

Про Дуная

Как у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе пирóваньё-столóваньё,
Столованьицё-пировáньё да почестен пир.
Ищо все на пиру тут да напивалисе,
Ищо все на пиру гости наедалисе,
Ищо все на пиру да стали весёлы.
Ищо князь-от по горёнке ле да похаживāт,
Он сапог о сапог сам поколачивāт.
А шолкóвыма кудёрышками принатряхивāт,
Говорит нонь тут да таковó словó:
«Ищо все у меня в городе, братцы, пожонены,
Красны девушки во Кееве да повыданы —
А един-то ведь я ноньце холóст хожу́!
А не знайти ли-ко мне бо́госужону,
Бо́госужону мне, бо́горяжену?
Лициком была бела да рóстиком с меня,
Ищо брови чёрны — да как у соболёв,
Ищё оценьки ясны — да ясны, как у соколов,
А коса была росá — всё дó пояса!»
И-за то же столику из-за зáднёго —
А по имени Берметá да сын Васильевич,
Вставал тут Берметá да на резвы́ ногы́,
Говорил тут Берметá да таковó словó:
«Уж ты го́й еси, красно солнышко да Владимир-князь!
Как позволь-ко мне слово ноньце молвити,
Слово молвити да речь говóрити!» —
«Говорите вы, гости, да што вам надобно!
Вы на то у мя, гости, были сóзваны,
Вы на то у мя, гости, да были сóбраны!» —
«Ищё знаю я тебе да бо́госужону,
Бо́госужону тебе да бо́горяжону:
Ростикóм-то с тебя да лициком б белá,
Ищо брови цёрны — да как у соболёв,
Ищё оценьки ясны — да ясны, как у соколов,
А коса-то росá — верно до пёса!

(Ишь, заверят, что верно до пѳеса!)

Ищѳ есь с кем тебе на постеле спать,
На постелюшке спать да на руке дѳржать,
На руке-то дѳржать да речь говѳрители,
А ищѳ есь кому нонеце нам поклон воздать!
А как знаѳт нонь Дунай да сын Иванович:
Он служил тут нонеце ровно тридцетъ лет».

(Вот сколько!)

Говорил тут Владимир да таково слово:
«Наливайте ѳму чашечку зеленѳ винѳ:
А не малу-велику — в полтора ведра!»
Принимает тут Дунаюшко одной рукой,
Выпивает Дунаюшко к одному духу.
Говорил-то тут Дунаюшко таково слово:
«Уж ты гои еси, Владимир-князь стольне-киевьськой!
Как не врѳт тут Бермята сын Васильевич:
Я служил тут у князя ровно тридцетъ лет.
Ищѳ есь у ѳго да две лебѳдушки:
Ищѳо первая-то — Настасья-королевичня,
А вторая — кнегиня да свет Апраксея.
Как Настасье тебе не владать будѳт:
Ищѳе та поленица да преудалая!
А свет Апраксея — личикѳм бела и умом крепка;
Как сидит там во златых верхах:
Не видала она света ноньце Божьего!»

(Он не спускаѳт ее никуда, она очень красива была.)

«Поезжай-ко, свет Дунаюшко, посватайсе!
А бери-ко-се силушки, сколько надомно,
Золотой казны тоже не по счетам!» —
«А не надо мне рать-сила великая!
Только дай мне одного телохранителя —
Как по имени Добрынюшку Микитица».
Он писал тут ярлыки да скоропрѳписных:
Не перѳм он писал да не чернилами —
Он писал он тут, наверно, красным золотом,
Отпечатал он тут да чистым серебром!
Ищѳѳ стали срежатисе да скѳрым-наскоро,
Ищѳо конников седлатъ да крепко-накрепко.
А не видели поездочки богатырския —

Во чистом-то поли только пыль пылит,
Только пыль-то пылит, да столб столбом валит.
А приехали ко князю да ко литовскому.
Говорил-то тут Дунай да сын Иванович,
Говорил-то Иванушко да таковó словó:
«Ох ты го́й еси, Добрыня, Добрынюшко Микитич блад!
Ты останьсе-ко здесь на широком дворé,
Поддёржи-ко-се коней да под поводов —
Я пойду туда во гриднюшки во светлыя.
Ище что ещо неустоечка — я вёску дам!»
Как пошел тут Дунай во гриднюшки во светлыя.
Уж тут крест кладёт по-писа́ному,
А поклон тут ведёт да по-учёному,
Ищо кланяйтце он да на все стороны,
Уж как князю со кнегиною — на осóбицю.
Говорил тут ведь князь да таковó словó:
«Уж ты го́й еси, Дунай, Дунай сын Иванович!
Ты приехал нам служить нонь верою и правдою?» —
«Уж ты го́й еси ноне, князь веры литовския!
Я приехал к вам не служить верою и правдою —
Уж приехал я к вам нонеце посвататьце,
Уж ту же лебёдушку свет Апраксею!» —
«Уж ты го́й еси, Дунай, Дунай сын Иванович!
Как за эти реци я за неумильния,
А за эти поступоцки нехорошия
Посажу я вас во по́греба глубокия,
Заморю я вас смёртоцкой голодною!»
Закипело тут серце молодецкоё,
Расходилася да сила, сила бо́гатырская.
Выздымал тут Дунай да выше го́ловы,
Как ударил Дунай да во дубовой стол —
Розлетелса тут столик в мелки ры́чейки!
Так учул там Добрынюшка ле Микитич блад,
Да заскакивал Добрынюшка на добра́ коня́,
Уж как стал он по силушке поездивать,
Уж как стал он силушку помахивать:
Как куда он махнёт — тут и улица,
Как куда повернётця — так с переулками!
Говорил-то тут князь нонеце литовския:

«Уж ты го́й еси, Дунай, Дунай сын Иванович!

Ищо ети нам шутоцки боле не надомны!

(Выбил силу-то ведь он.)

Как уйми-ко ты своего товарища:

Уж как бу́дёт вам невеста заручёная!»

Он бросаёт на стол да золоты́ ключи́.

(Она под замком у него.)

Выходил тут ведь Дунаюшко на широкой двор,

Говорил ле тут Дунаюшко таковó словó:

«Уж ты го́й еси, Добрынюшко ле Микитич бла́д!

Ты не бей-ко-се рать-силу великую:

Ищо есь нам милось от Бо́га Всевышнего,

Ищо бу́дёт нам невеста заручёная!»

(Тот сейчас пошабушил бить.)

Побежал тут Дунаюшко во златы́ верхи́,

Отмыкал-то тут ведь Дунаюшко гридню светлую,

Говорил-то к Апраксею таковó словó:

«Уж ты го́й еси, свет ноньце Апраксея!

Как желаешь нонь заму́ж за князя Владимира?» —

«Уж я три года Бо́гу молиласе:

Как попась было за князя за Владимирера!» —

«Да́к срежайся-ко ско́рым нонь на́скоро!»

А средилася скорым да скоро-наскоро.

Как берёт ей Дунай за праву́ руку́,

А выводил он, Дунаюшко, на широкой двор,

Как заскакивал Дунаюшко на добра́ коня́,

Посадил он Опраксею позади́ себя.

Говорил тут князь ноньце литовски[я]:

«Уж ты го́й еси, Дунай да сын Иванович!»

Как пойдите ко мне на широкой двор:

Ищо я вас, гостей, попотчую!» —

«На приезди-то гостя не употчовал —

А на поёзди-то гостя не употчовать!»

(Вот тебе: сперва не употчовал, а теперь — как сел на коня!..)

Как поехали-то удалы да добры молодцы —

Уж и с утра едут день до вечера,

А со вечера едут до белá свету́,

Не пиваючи едут да не едаючи,

Ищё коням отдо́ху да не даваючи.

Говорил-то Дунай да таковó словó:
«Уж ты го́й еси, Добрыня, Добрынюшка Микитич бла́д!
Уж ты ставь-ко здесь шатёр бел-полотненой:
Отдохнём от усталости великою!»

(Пристали.)

Как поставили шатёр да чернобархатной,
Как спали тут они да трое суток.

(Вот как за́спали мужики!)

Выходил тут Дунаюшко из белá шатра́,
Побежал тут Дунай во белой шатёр,
Говорил-то тут Дунаюшко таковó словó:
«Уж ты го́й еси, Добрыня, Добрынюшка Микитич бла́д!
Ты ставай-ко, ставай скóрым-на́скоро,
Ищó конничка седлай да крепко-на́крепко,
Как вези-ко-се невесту заруцёную
Ко тому же ко князю ко Владимиру,
Ко Владимиру-ту князю на широкой двор —
Как пускай они там примут да по злату́ венцу.

А ищé я ноньце поеду да супротивиться:

Как идёт ведь там рать-сила великая!»

Как поехал тут Дунай да сын Иванович,

Как увидел тут во́ поли неприятеля —

Полетел тут Дунаюшко ясным соколом,

Ухватил он копейцё да долгомерноё.

Как не две-то туценьки сходилисе —

Ищé два-то ведь молодца слеталисе;

Ище вышиб Дунай из седла́ долой,

Наступил тут ведь конь на белую́ грудь.

(Неприятелю наступил, кони так обучены были!)

Как соскакивал Дунай со добра́ коня,

Как садилса Дунай на белую́ грудь,

Говорил-то Дунаюшко таковó словó:

«Ищé как тебя звать ноньце по́ имени,

Ищé звеличать тебя по отечеству,

И какого ты роду, да роду-племени?» —

«Как сидела бы я на твоей груди —

Не спрашивала роду ни племени,

Не великого я твоего отечества:

Отворачивала латочки кольчужныя,

Как порола бы я белы́ груди,
Вынимала на ножу да ретиво сердцё!» —
«Какого ты роду, да роду-племени,
Как великого-то нонече отечества?» —
«Уж ты го́й еси, Дунаюшко Иванович!
Неужели ты не знашь Настасью-королевичню?»
Как скочил тут Дунаюшко на резвы́ ногі,
Говорил тут Дунаюшко таково́ слово́:
«Сонимай-ко панцы́рь, латы кольчужныя,
Да срежай-ко скóрым, да скоро-на́скоро,
А поедём-ко ли нонече во Киёв-град,
Ище приём-ко там по злату венцю́!»
Ищо едут они нонече во Киев-град.
Как увидели тут нонече князя Владимира:
Как идёт он во черковь да воскресеньскую —
Ищо хочёт примать он по злату венчу́.
Уж как принели они все по злату венчу́—
Заводилосе пирóваньё-столо́ваньё
У того же князя у Владимира.
Ищё все на пиру да напивалисе,
Ищё все на чесном гости наедалисе,
Ищё все на пиру да стали вёсёлы,
Ищё все на пиру приросхвастались:
Ищё мёньшой-от хваста́т своёй храбросью,
А второй-от хваста́т своёй си́лушкой,
А ищо третьей-от хваста́т да золотой казнóй —
А сидит-то Дунай да сын Ивановичь:
«Ищё нечем мне, Дунаюшку, похвастати:
Как достал-то я ведь нонь да две лебёдушки!»
(Себе и наделил другóу великому князю Владимиру.)
Говорила тут Настасья да королевичня:
«Не пустым ли ты, Дунаюшко, ноньче хвастаешь?
Не много я в городе жила — много повидела:
Как на силу-ту, силу — Добрынюшки Микитича,
А на счастье — старого козака Ильи Муромця,
А на смелость-ту — Алёшеньки Поповиця,
На богасьво-то — Дюка Степановиця,
А из туга лука стрелётъ — Настасья-королевичня.
Поставьте-ко нож за мерну́ версту́ —

И стрéлю я стрелой во булатной нож.
Ищё кажна половиноцька на взгляд парна,
Как на взгляд парна́, она на вес равна!»
За беду́ ёму козалось да за досадушку,
За досадушку козалось за великую!
Как пошли-то они на широкой двор,
Как поставили тут ножик за мерну́ версту́.
Как тут стрéлила Настасья-королевичня —
Розлетелосе стрелочка дубовая:
Кажд[а] п[оловиноцька на взгляд парна́],
Как на взгляд-то парна́ и на вес равна.
Как стреляет тут Дунай сын Иванович.
Ищё пёрвой раз стрелил — не дострéлил ей,
А втор[ой]-от стрелил — да перестрéлил ей,
А ищо трéтьей стрéлил — совсем не попал.
Закипело в ём сердце да молодецкоё,
Росходилось силушка боғатырьская!
Говорил он оттуда таково́ слово́,
Как вымал он стрелочку калёную:
(Тут уж взял не деревянную, а настоящую.)
«Полеті-ко-се, стрела моя калёная!
Ты не падай ни на воду, ни на землю —
Попади Настасье-королевичне в ретиво сердце!»
Стала тут кнегина ёго упрашивать,
Как Опрáксея стала уговаривать:
«Уж ты го́й еси, Дунай да сын Иванович!
Во хмелях-то, детинка, да зашибаишьси!»
Не поверил тут Дунай таковы́м слова́м.
Как спускаёт он ту́ калену́ стрелу́ —
Как попала тут Настасье да в ретиво сердце,
Как упала ле горюшица на сыру́ землю!
Подбежал тут ведь Дунаюшко да сын Иванович,
Как выхватывал тут нонеце булатной нож,
Попорол он тут у Настасьи белы́ груды́ —
Как увидел тут два ребéночка!
Поворачивал Дунай копье́ тупым концём,
Навалилса он ведь грудью на востро́ копье́ —
Упал Дунаюшко мёртвой.
(Поётся ещо конец.)

Не две струечки расходилися,
В одно место сходилися:
Есть Дунай-река и речка Настасья!..

(Зап. А. М. Астаховой 5 июля 1928 г.: д. Белощелье Лешуконского р-на — от Семёнова Максима Васильевича, 56 лет.)

Былины Севера. Т. 1 / Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.